

УДК 340:342.3

**СИМУЛЯТИВНОСТЬ КАК СУЩНОСТНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НЕОЛИБЕРАЛЬНЫХ
ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫХ СИСТЕМ: К ПОСТАНОВКЕ ТЕОРЕТИКО-ПРАКТИЧЕСКИХ
ПРОБЛЕМ ПОСТСОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВОВЕДЕНИЯ**

Жук Н. А.,

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
юридического факультета
Харьковского национального университета
имени В.Н. Каразина

Аннотация: в статье поднимается проблема запрограммированной на институционально-функциональном и содержательном уровнях симулятивности неолиберальных политико-правовых (государственных) систем – болезненного и системно-кризисного состояния господствующего в мире постсовременного способа мышления и жизнедеятельности общества. Проблема рассматривается в контексте философского учения Жана Бодрийера о симулякрах и симуляции – неотъемлемых признаках общества материального потребительства. Озвучивается проблема необходимости преодоления юриспруденцией инерции использования терминов и понятий, не отображающих суть явлений постсовременной государственно-правовой реальности.

Ключевые слова: неолиберализм, неолиберальная революция, постсовременность, неолиберальные политико-правовые (государственные) системы, ядро и периферия капитализма, симулятивность, симулякры и симуляция, «новые бедные», «новая нормальность», «технологическая безработица», «окно Овертона», демократия, псевдо-государство.

Анотація: у статті піднімається проблема запрограмованої на інституційно-функціональному та змістовному рівнях симулятивності неолиберальних політико-правових (державних) систем – хворобливого і системно-кризового стану пануючого в світі постсучасного способу мислення і життєдіяльності суспільства. Проблема розглянуто в контексті філософського вчення Ж. Бодрійєра про симулякри і симуляцію – невід’ємних ознаках суспільства матеріального споживання. Озвучено проблему необхідності подолання юриспруденцією інерції використання термінів та понять, що не відображають суть явищ постсучасної державно-правової реальності.

Ключові слова: неолибералізм, неолиберальна революція, постсучасність, неолиберальні політико-правові (державні) системи, ядро і периферії капіталізму, симулятивність, симулякри і симуляції, «нові бідні», «нова нормальність», «технологічне безробіття», «вікно Овертону», демократія, псевдо-державна.

Annotation: the article raises the problem of the programmed at the institutional-functional and content levels of the simulativeness of neoliberal political-legal (state) systems - the painful and systemic-crisis state of the postmodern way of thinking and the life activity of society prevailing in the world. The problem is considered in the context of the philosophical teachings of Jean Baudrillard about simulacra and simulation - inalienable signs of the society of material consumerism. The problem of the need to overcome jurisprudence inertia of the use of terms and concepts that do not reflect the essence of the phenomena of postmodern state-legal reality is sounded.

Key words: neoliberalism, neoliberal revolution, postmodernity, neoliberal political and legal (state) systems, core and periphery of capitalism, simulativeness, simulacra and simulation, «new poor», «new normality», «technological unemployment», «Overton window» democracy, pseudo-state.

*«Именно об этом предупреждал Полань:¹
либеральный (а потом и неолиберальный)
утопический проект может быть реализован
только на основе авторитаризма.
Свобода масс будет ограничена
в пользу свободы меньшинства».*
Цитата из книги Дэвида Харви
«Краткая история неолиберализма» [4]

*«Перед нами ад симуляции, который уже не ад мучений и пыток,
но ад тонкого, злонамеренного, неуловимого искажения смысла»
Жан Бодрийер, трактат «Симулякры и симуляция»*

В качестве предисловия и в обоснование актуальности выбранной тематики материала, в том числе, в контексте Украины, полагаю целесообразным привести комментарий Руслана Бортника, директора Украинского института анализа и менеджмента политики, данный им 10 мая 2018 г. по итогам анализа последних данных социологических опросов населения подконтрольных центральной власти территорий Украины на предмет рейтинга потенциальных кандидатов в Президенты Украины на будущих выборах. Итак, отмечая наибольший среди всего перечня представленных в этом соцопросе лиц первой десятки рейтинг именно у представителей шоу-бизнеса, и предполагая

возможность появления в этом списке условных «Таисии Повалий или Верки Сердючки, которая «сделает» всех политиков», Р. Бортник заметил: «Результаты Вакарчука и Зеленского – это просто приговор политической системе и власти, и оппозиции одновременно, поскольку украинское общество уже настолько разочаровалось в системных политиках, пришедших из разных серьёзных сфер, что сегодня готово голосовать за певцов, за артистов, которые на их фоне выглядят честнее. ... Наверно, пришло уже время президента-артиста или президента-комика – хуже уже не будет. ... Но самая большая опасность в отношении этих людей – это то, что они не самостоятельны: они могут быть просто марионетками, за спиной которых опытные кукловоды будут направлять их деятельность и реально управлять политическими процессами в государстве» [1].

С таким выводом нельзя не согласиться. Заметим, что в данном случае Украина и комментируемое экспертом качественное состояние ее нынешней политической системы является отличной демонстрационной моделью для раскрытия проблематики симулятивного свойства большинства действующих в современном мире постсовременности – мире глобального неолиберализма, потребительства и псевдодемократии – политико-правовых (государственных) систем.

Переходя же к сути вопроса, для начала, во избежания неполноты понимания ввиду многоаспектности и сложности анализируемой материи, обозначим суть некоторых ключевых феноменов, лежащих в основе используемых в названии материала понятий. Важнейшим из них, безусловно, есть понятие «**неолиберализма**», отображающее в нашем случае специфический, качественно-новый тип не только политико-правовой и социально-экономической системы, но особый тип способа жизнедеятельности и мышления человечества, стартовавшая на рубеже 70-80-х годов XX в. Глубинную суть этого явления крайне удачно охарактеризовал академик Международной академии наук, историк А.И. Фурсов, выделяя среди основных его характеристик «перелом доходов в пользу верхней части общества в капиталистической системе в ущерб средним и нижним слоям, деиндустриализацию ядра капиталистической системы и целый ряд других, связанных с этим процессов – например, ухудшение положения среднего класса», «выталкивание государства из экономики и примат финансового капитала» [цит. по: 2].

Что касается исторических предпосылок возникновения неолиберализма и доминантных тенденций его развития, то здесь опять-таки стоит прислушаться к выводу ученого о том, что «если феодализм – это контроль над землей, а капитализм – это контроль над овеществленным трудом – капиталом, то уже позднее капиталистическое общество (т.е. собственно неолиберальное – Н.Ж.) демонстрирует ситуацию, когда решающую роль играет контроль над духовными факторами производства, или грубо говоря, над информационными потоками. Для этого нужно разрушить образование, то есть низвести всех на очень низкий информационный уровень. А второе – сконцентрировать реальные знания в очень узких кругах, как это было в жреческих системах Древней Индии или Древнего Египта» [цит. по: 3]. В этой связи крайне важно понимать феномен т.н. **неолиберальной революции** – цепи событий последних 30-35 лет и их причинно-следственных связей. По замыслу проектировщиков неолиберализма, «неолиберальная революция – это хаотизация экономических процессов. Но параллельно идет процесс хаотизации человеческого сознания. И последние 30 лет вообще можно назвать тридцатилетием хаоса. Мы видим, как управление социальной психологией происходит посредством массовой культуры. А сейчас и управление на уровне психических процессов» [там же].

Что касается самих теоретиков неолиберализма, то они в числе его отличительных постулатов называют идеи всемогущества и саморегуляции рынка, что «все в мире продается и покупается» и что «любое человеческое действие может быть вписано в систему рыночных отношений». Помимо этого, «для защиты общества от наиболее страшных сил – фашизма, коммунизма, социализма, авторитарного популизма и даже права большинства – неолибералы предлагают устанавливать жесткие ограничения на демократическое управление и вместо этого основываться на недемократических и ненадежных институтах (как Федеральный резерв или Международный Валютный Фонд) для принятия ключевых решений» [Цит. по: 4].

Таким образом, неолиберализм не только с точки зрения его противников, но, в первую очередь, с позиций его конструкторов, подразумевает демонтаж всего, что, по мнению либерального обывателя, составляет набор важнейших ценностей и обеспечивающих их институтов и инструментов и даже социально-экономического базиса того жизненного уклада и способа общественной жизнедеятельности, который установился на Западе в конце второй четверти XX в. и который в политико-правовой сфере связывается с концепциями демократического, правового и социального государства. Но демонтаж, сопровождающийся симуляцией сохранения и фасадного присутствия всех этих ценностей и институтов либеральной «ереси», не вписывающейся в неолиберальный дискурс, дабы усыпить бдительность все еще сохраняющего свое сознание среднего класса и удержать его в состоянии иллюзии по поводу нерушимости установленного ранее конституционно-демократического порядка вещей, дабы они не встали раньше срока и не оказали сопротивления преддetermined для них неолибералами печальной участи социальных люмпенов и политического небытия.

Для примера приведем такую цепь причинно-следственных связей между процессами развития (а по сути – фактического демонтажа) различных элементов указанных концепций демократического, правового и социального государства в ходе реализации неолиберальной стратегии. Так, начатая с 1980-х гг. деиндустриализация неолиберальных государств, принадлежащих к т.н. ядру капиталистической системы, обеспечившая сверхприбыльность эстеблшмента, владеющего транснациональными корпорациями, за счет снижения себестоимости продукции путем переноса основных средств производства из стран Запада в страны т.н. «третьего мира» – периферии, в главном своём целевом – стратегическом контуре имела всё-таки иное: лишить существование усилившиеся вследствие экономического бума т.н. «славного тридцатилетия»² средние слои и рабочую верхушку оснований для претензий на политическую власть. «Во-первых, прекращался рост рабочего класса, во-вторых, той части рабочего класса, которая оставалась, можно было сказать — вы требуете больше зарплаты? Да мы вообще

завтра совсем переведем всю автомобильную промышленность в Южную Корею, и там люди будут готовы трудиться за пятую часть того, что вы здесь получаете, и вы не получите и этого» [цит. по: 2].

В свою очередь, деморализованный и фактически демонтированный в своем экономическом базисе средний класс – социальная основа гражданского общества, преобразованный в т.н. **класс «новых бедных»**³ [10, с. 279] (еще одно новое явление нелиберального дискурса общественного развития, возникшее вследствие автоматизации и цифровизации производства, обусловивших ликвидацию рабочего класса в производственной промышленности и неуклонный рост т.н. «технологической безработицы» [дет. см.: 14]), пополняя число люмпенизированных слоев населения, способствует поступательному отмиранию этого гражданского общества, которое, в свою очередь, диалектически взаимосвязано с феноменом правового государства. Демонтаж правового государства вследствие действия указанных выше причинно-следственных связей неизбежно сопровождается упразднением целого ряда его принципов и ликвидацией большинства обеспечивающих их институтов, включая принципы равенства всех перед законом и правосудием (как мы понимаем, блага системы правосудия в силу своей дороговизны «новым бедным» уже недоступна) и разделения власти (ибо для воплощения его цели деконцентрации власти и ее самоограничения на основе сдержек и противовесов необходимо наличие альтернативной (т.е. реально оппозиционной) правящему классу социальной группы, каковым люмпенизированный средний класс уже быть не может). Стоит ли упоминать, что демократические принципы мажоритарности (т.е. принятия решения большинством), свободы, плюрализма, равенства, гласности, подконтрольности власти гражданскому обществу и т.п. неизбежно утрачивают свои сущностные свойства, фактически ликвидируются по указанным выше причинам и продолжают существовать какое-то время исключительно в виде юридических деклараций и симуляций?...

Что касается средств реализации этой стратегии, то традиционно важная роль в нем отводится формально-юридическим средствам, т.е. созданию посредством институтов государства через инструментарий правового регулирования условий и предпосылок, безальтернативно приводящих к установлению состояния так называемой «**новой нормальности**»⁴ [дет. см.: 5] (ну как здесь не вспомнить марксистское учение (кстати, 200-летний юбилей со дня рождения К. Маркса мы отмечаем в этом году) о классовой сущности государства и права в деле установления и обеспечения доминирования экономически господствующего класса!) [См., например: 6; 7]. Но, поскольку стратегия нелиберализма сопрягается с научно-техническим прогрессом и предполагает контроль над духовной, психоментальной и информационной сферами, то еще более значимую роль в этом процессе играют соответствующие технологии массового управления сознанием человека, или, говоря проще, «промывания мозгов», типа т.н. «**окна Овертона**» – разработанной американским социологом и, очевидно, социопатом, Иосифом Овертоном матрицы изменения представления «общепринятого» в общественном мнении через метод целенаправленного обмана, получившей красноречивые названия технологии «расчеловечивания людей», «разрушения табу», «уничтожения», «легализации греха», «отмывания грязных идей», «окна возможностей легализации канибализма» и т.п. [см., например: 8; 9].

Примечательно, что еще в 1975 году по заказу Трехсторонней комиссии (напомним – частной международной организации, состоящей из представителей Северной Америки, Западной Европы и Японии, официальной целью которой является обсуждение и поиск решений мировых (!) проблем) три западных эксперта – Э. Хантингтон, М. Крозье и Д. Ватануки написали знаменитый доклад «Кризис демократии» [кратко текст Доклада и его анализ см.: 11], в котором прямо и откровенно было обозначено, что «демократия» и «рынок» – это отнюдь не ценности, а инструменты, и функционируют они не ради людей, а в интересах «выживания (западных – *Н.Ж.*) политических систем, как важнейшего пред условия установления стабильного международного порядка», и что если дальше будет развиваться тенденция 50-60-х годов (т.е. повышение социально-экономических стандартов жизни основной массы населения, увеличение численности среднего класса и усиление его влияния – *Н.Ж.*), то «безответственные группы» (т.е. средний класс – *Н.Ж.*) могут бросить вызов истеблишменту. Особенно любопытно, что этот «трехсторонний» процесс формирования системы глобального управления риторико-демагогически, военно-политически и формально-юридически всегда был связан с демократией, являющейся для мировых элит на самом деле не более чем лозунгом, фасадом, под прикрытием которого можно осуществлять самые грязные мероприятия [см.: там же].

И вот теперь представляется целесообразным остановиться на раскрытии аспектов сущности тех двух терминов, а именно – «симулякры» и «симуляция», которые и послужили толчком для формулирования на их основе понятия «симулятивность» применительно к характеристике сущности нелиберальных политико-правовых систем, а также раскрытия источника их происхождения. Естественно, в контексте проблем государствоведения нас интересует не столько этимолого-филологический смысл этих понятий, сколько прецедент их применения к политико-правовым и общественным системам в связи с переживаемыми ими радикальными трансформациями и мутациями, обусловленными наступлением эры новейших технических средств массовых коммуникаций – телевидения, видеотехники, компьютерной техники и развитием глобальной сети Интернет. Таковым источником является философский трактат «Симулякры и симуляция» 1981 года Жана Бодрийера [12] – «последнего крупного философа современности», как обозначено в предисловии к книге, в котором автор «препарирует» постсовременность – эпоху постмодернизма как эру тотального «гигантского процесса симуляции», заполняющего все поле коммуникации не реальным, но «фантомным содержанием». Философ, отмечая, что «симулировать – это значит делать вид, что у тебя есть то, чего ты не имеешь», обращает внимание на то, что «симуляция ставит под сомнение различие между «истинным» и «ложным», между «реальным» и «мнимым» [там же], а «симулякр – это вовсе не то, что скрывает собой истину, – это истина, скрывающая, что ее нет» – таким образом, «симулякр есть истина» [там же].

И все же, чтобы лучше понять явление Ж. Бодрийера о скрытых пружинах манипулирования сознанием человека в ходе функционирования симулякров нелиберализма, приведем один из примеров анализируемой им связки «симулякр-симуляция», где в качестве первого взят Диснейленд, а в качестве второго – вся Америка. И так, «Диснейленд представляют как воображаемое, чтобы заставить нас поверить, что все остальное является реальным,

тогда же как весь Лос-Анджелес и Америка, которые окружают его, уже более не реальны, а принадлежат к порядку ...симуляции» [12]. Для чего это нужно? «Речь идет о том, ...чтобы скрыть, что реальное перестало быть реальным, и таким образом спасти принцип реальности. ... Этот мир претендует на то, чтобы быть детским, чтобы убедить, что взрослые находятся в другом месте – в «реальном» мире, - и скрыть, что настоящая инфантильность повсюду, и это инфантильность самих взрослых, которые приходят сюда поиграться в детей, чтобы ввести самих себя в заблуждение относительно своей реальной инфантильности» [там же].

Аналогичным вышеуказанному есть механизм действия симулякров и порождаемых ими симуляций во всех без исключения сферах жизнедеятельности неолиберального общества. В условиях постмодерна все превращается в симулякры – копию, изображающую что-то, либо вовсе не имевшее оригинала в реальности, либо со временем его утратившее [дет. см., например: 13]. Итак, «цели утилизации служат и все сексуальные, психические и соматические институты... Люди больше не смотрят друг на друга – для этого существуют культурные и социальные институты. Они больше не прикасаются друг к другу, но существует контактотерапия. Они больше не ходят, но занимаются оздоровляющим бегом... Заново изобретают нужду, аскетизм, исчезающую грубую естественность: естественное питание, здоровую пищу, йогу» [12].

Соответственно, политические партии неолиберальных политических систем, будучи по сути своей лоббистами интересов отдельных групп или даже просто бизнес-проектами, давным давно стали симулякрами политической деятельности, а их классическое разделение на «правых» и «левых» - не более чем симуляцией оппозиционной (т.е. альтернативной) деятельности, которая действительно была важна в период буржуазных преобразований западных обществ и процесса их либерализации. В итоге, подавляющее большинство т.н. «системных политиков» неолиберальных политических систем – непрофессионалы, случайные, кому-то «нужные» и просто богатые люди, оказавшиеся у руля государственной власти и в худшем варианте воплотившие ленинский лозунг о том, что «любая кухарка сможет управлять государством», а сама постсовременная политика – не более чем увлекательное ежедневное шоу с участием этих псевдо-политиков, СМИ, артистов, рекламных и концертных компаний.

Что касается социально-экономической природы неолиберальной политики, или «политического колдовства», как его окрестил Ж. Бодрийяр, то она крепко замешана на природной сущности капитала, «лишенного морали и укоров совести», требующего «воспринимать его как нечто рациональное или бороться с ним во имя рациональности, воспринимать его как нечто моральное или бороться с ним во имя нравственности», - «чужовицкой системы без всяких принципов», не желающей и не намеренной соблюдать какие бы то ни было правила игры, не связанной «соглашением с обществом, над которым он властвует» [там же]. Что предложил обществу неолиберализм? «Объединение желания и стоимости, желания и капитала. Объединение желания и закона, финальное наслаждение... в капитале» [там же].

Итак, характеризуя неолиберализм как идеологию господства симулякров, Жан Бодрийяр отмечает: «Исчезает целая метафизика. Нет больше ни сущности и явления, ни реального и его концепта», а в числе ее характеристик отмечает «замену реального знаками реального», «переход от знаков, которые что-то скрывают, к знакам, которые скрывают, что ничего нет» [12]. Так, конституции большинства неолиберальных систем своим существованием скрывают, что и самих государств больше нет, что на их месте – нечто качественно другое: возможно, кластеры ТНК, или неокOLONIALНЫЕ правительства или еще что-нибудь, но только не «суверенные политические организации народонаселения соответствующей территории». Речь идет о том, что в новых исторических условиях реальное доказывается через воображаемое, «истина – через скандал, закон – через нарушение, существование работы – через забастовку», а «существование системы – через кризис» [там же]. Новая политико-правовая реальность неолиберализма – это возможность власти «инсценировать свое собственное убийство, лишь бы отыскать проблеск существования и легитимности» [там же]. В качестве демонстрации Ж. Бодрийяр приводит примеры реального физического устранения Джона и Роберта Кеннеди, которые «еще имели политическое измерение», в отличие от следовавших за ними президентов США Джонсона, Никсона и Форда, которые «имели право лишь на призрачные покушения, на симулированные убийства» при том, что даже эта искусственная угроза была им необходима, «чтобы скрыть, что они лишь манекены власти» [там же].

Разве это нам не знакомо? На нашей памяти то, что именно этим путем в 2004 г. пошел В. Ющенко, который через мнимое отравление (ибо и на сегодня им не представлены соответствующие доказательства выдвинутого им обвинения) действительно получил рост предвыборного рейтинга и, в итоге, президентский пост). Разница между западным неолиберальным обществом и нашим, постсоветским, заключается в том, что для них тотальная симуляция стала реальностью с 1980-х гг., а для нас – с 1991 г., момента вхождения в пул «прогрессивных и цивилизованных», «демократических и правовых», а, по сути - попросту неолиберальных систем. Второе отличие – это некая подготовленность западного общества к такому ходу развития событий, по крайней мере, в силу осмысления сути постсовременности плеядой западных философов уровня Ж. Бодрийяра, в отличие от отсутствия самобытного философского осмысления аналогичных процессов в нашем жизненном пространстве. Что ж, нам остается очень быстро учиться – на чужом и уже, увы, на собственном опыте столкновения с симулякрами и симуляциями в сферах юриспруденции, политики и права, вырабатывая стратегию их преодоления и борьбы с ними!

В завершение отметим, что в качестве приемлемых для отображения сущности неолиберальных политико-правовых систем слов, синонимичных симулятивности, в определенных случаях могут использоваться слова, производные от слов «декорация», «фасад», «имитация», «бутафория», «иллюзия», «мираж» или же приставка «псевдо», предваряющая название конкретного явления государственно-правовой действительности. Что же касается специфики периферийных (по отношению к системам ядра капитализма) неолиберальных политико-правовых систем, каковыми по своей сути есть большинство постсоветских государств, то близкими к симулятивности как сущностной характеристике такой системы являются понятия «марионеточное государство», «неокOLONIALное правительство», «компрадорский режим», которые отображают состояние фактически

колониальної по своїм різним, в тому числі, політико-правовим, наслідкам залежності цих територій, вписаних в неоліберальний дискурс на правах периферії – того, що можна також позначити поняттям «псевдо-державство» – т.е. стан його симуляції.

Таким чином, як ми розуміємо, використання по інерції названих конституційно-проголошених політико-правових конструкцій, доктрин і концепцій типу «демократія», «правове державство», «соціальне державство», «свобода» і т.п. застосовано до реально існуючих сучасних політичних систем є не більше ніж звичкою, відповідною задуму світових еліт симулювати в очах мас наявність явищ, давно вже втрачених як мінімум на рівні своїх формуючих принципів і ознак. І навіть більше того – це є пасивною формою підтримки прихованого процесу подальшого просування і зміцнення бажаних світовими елітами антиподів цих конструкцій, т.е. повернення до передісторичних їм фактично феодально-рабовласницьких форм і станів, що і підразумеє неолібералізм. Так, громадянське суспільство повинно змінитися сословно-кастовим, де доступ до благ буде дозволено виключно на основі критеріїв фінансового багатства; політика – шоу-бізнесом; свобода ринку – остаточними монополіями ТНК; свобода слова – цензурою; приватність особистості – жорстким електронно-цифровим контролем; «свобода мас» – «свободою меншинства»; нарешті, власне демократія – тоталітаризмом, а в кращому випадку – авторитаризмом, про що нас і попереджав Карл Поппер ще в 1944 році в своїй книжці «Велика трансформація» [дет. см.: 15].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. **Карл Пауль Поппер** (1886–1964) – економіст, антрополог, соціолог і політичний філософ, автор творів про «саморегулюючийся ринок», один з основоположників економічної антропології.
2. **Славне тридцятиліття** – термін, введений Жаном Фурастьє в 1979 році для позначення періоду з 1946 по 1975 роки, коли в розвинутих капіталістичних країнах (головним чином членах Організації економічного співробітництва і розвитку) відбулися настільки значущі економічні і соціальні зміни, що в західноєвропейських країнах і Японії, з сорокарічним відставанням від США, сформувалося суспільство споживання (в Франції рівень життя став одним з найвищих у світі).
3. **«Нові бідні»** – термін, позначаючий новий феномен специфічної масової бідності внаслідок масової безробітності, виниклої в капіталістичних країнах на рубежі 70-80-х рр. ХХ ст. в ході соціально-економічної кризи. До їх числа відносять, як правило, кваліфікованих і добре оплачуваних в минулому працівників і службовців, які отримують допомогу по безробіттю або займаються на підприємствах, створених і діючих в обхід закону, а також молодих людей, не знаходящих роботи після закінчення школи або вищого навчального закладу і живущих за рахунок батьків. По своїй соціальній формі «нові бідні» помітно відрізняються від традиційних безробітних: вони легше адаптовані до матеріальної ситуації і важче – в психологічному; серед них поширено наркоманія і алкоголізм, високий відсоток самогубств.
4. **«Нова нормальність» (New Normal)** – термін і нова «наукова» категорія неоліберальної парадигми, що набирає популярності на фоні світової фінансової кризи, позначеної в 2008 році і позначаючий поєднання низьких темпів економічного зростання, високої безробітності, високої волатильності на всіх товарних і грошових ринках і зниження ефективності традиційної державної політики (фіскальних, грошових інструментів і стимулів). Цей термін отримав поширення і тому, що під нього можна підверстати всі зміни, що відбуваються в світовій економіці, коли найбільш поширеною характеристикою ситуації в цілому є визначення «системної кризи». Сама категорія, зовні претендуючи на новизну, не пропонує свіжих рішень або хоча б спробу пояснити, що відбувається в світовій економічній організації.

ЛИТЕРАТУРА

1. Руслан Бортник. День Перемоги: очевидне гуманітарне поразка влади // Перший Козацький. Передача «Прямим текстом». Опубліковано 11 травня 2018 р. 8-я хвилинка // You Tube
2. Андрей Фурсов: «Кінець неоліберальної епохи: що далі?» // Ел. ресурс: Інформаційно-аналітичний портал «Созидатель», Суббота, 12 травня 2018 | sozidatel.org
3. Андрей Фурсов про контроль над психікою, неоліберальною революцією, про світовий статус Росії [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <https://annatubten.livejournal.com/171156.html>
4. Девід Харві. Коротка історія неолібералізму. – М., 2007 [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <https://www.livelib.ru/book/1000185673/quotes-kratkaya-istoriya-neoliberalizma-devid-harvi>
5. Брагіна Е. Нова нормальність // Світове і національне господарство. Видання МГІМО МІД Росії. – № 4(32), 2012 [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://www.mirec.ru/2012-04/novaa-normalnost>
6. Маркс, Енгельс, Ленін про походження і сутність держави [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <https://works.doklad.ru/view/5YHdzm5IoY0.html>
7. Манифест комуністическої партії. К. Маркс – Ф. Енгельс. 1848 р. [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <https://www.marxists.org/russkij/marx/1848/manifesto.htm>
8. Хавренко Е. Вікно Овертона – технологія расчеловечивания людей [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://bourabai.kz/articles/overton.htm>
9. Кирсанов Ф. «Вікно Овертона»: технологія отмивання брудних ідей» [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://www.orator.ru/stories_okno_overnona.html
10. Короткий політичний словарь. М., 1988.
11. Павленко В. «Кризис демократії» і сучасність: по сторінкам глобалістських «шедеврів» [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://www.iagex.ru/articles/52589.html>
12. Жан Бодрийяр. Симулякри і симуляція [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://lit.lib.ru/k/kachalov_a/simulacres_et_simulation.shtml
13. Печенкіна О.А. Етика симулякрів Жана Бодрийяра. Автореферат ... к. філософ. наук. Тула, 2006 [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://cheloveknauka.com/etika-simulyakrov-zhana-bodriyara>
14. [Електронний ресурс]. – Режим доступу: https://ru.wikipedia.org/wiki/Технологическая_безработица
15. Карл Поппер. «Велика трансформація: Політичні і економічні історії нашого часу» / Пер. з англ. А. Васильєва і А. Шурбелева, під заг. ред. С.Е. Федорова. – СПб.: Алетейя, 2002. – 320 с.